

Николай Самуйлов



**ТАБОР ВЕРНУЛСЯ
НА ЗЕМЛЮ**

Детективный роман

Николай Самуйлов

**Табор вернулся на Землю.
Детективный роман**

«Издательские решения»

Самуйлов Н.

Табор вернулся на Землю. Детективный роман / Н. Самуйлов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856458-1

Лейтенант полиции Максим Роцин, возвращаясь из отпуска, знакомится с цыганкой Зарой Штефан. Между ними возникают чувства. Вернувшись на службу, Максим присоединяется к коллегам, занятым поиском преступников, совершивших ряд мошеннических эпизодов, связанных с мистическим изъятием крупных денежных средств в торговых предприятиях и банке. При непосредственном участии Роцина оперативники выходят на след матёрых преступников, использовавших гипнотические способности юных цыганок — родственниц Зары.

ISBN 978-5-44-856458-1

© Самуйлов Н.
© Издательские решения

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Пролог | 6 |
| Глава первая | 7 |
| Глава вторая | 15 |
| Глава третья | 20 |
| Глава четвёртая | 24 |
| Глава пятая | 30 |
| Глава шестая | 36 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 37 |

Табор вернулся на Землю Детективный роман

Николай Самуйлов

© Николай Самуйлов, 2017

ISBN 978-5-4485-6458-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Эта история началась во время моего возвращения из отпуска.

По пути к Энску я на час задержался в одноэтажном провинциальном городе Дольске, на местной АЗС заправил бензином бак машины и заглянул в пахнущее щами и котлетами кафе, где заказал жареного окуня.

Поглощая рыбу, я смотрел через пыльное окно на улицу и ни о чём не думал. Я просто отдыхал от российских дорог.

За соседним столиком трапезничали цыгане. Несколько женщин и стайка непоседливых малышей.

Одна из девочек лет десяти подошла ко мне и сказала:

– Дяденька, хотите я вам погадаю.

Я уже расправился с окунем и вытирал руки салфеткой.

– Зачем? Я про себя и без предсказаний всё знаю, – ответил я.

Девочка серьёзно посмотрела мне в глаза.

– Нет, не знаете. А я вам расскажу всю правду.

Пожилая цыганка с курительной трубкой в зубах, видимо услышала наш разговор и шикнула на девочку:

– Динка, не приставай к мужчине!

– Я хотела сказать, – промямлила девочка, – что дяденька скоро женится. И жена у него будет черноглазая красавица...

– Тем более, не приставай, – проворчала цыганка, окинула меня пронизательным взглядом и оттащила Дину за руку от моего стола.

Я снова посмотрел в окно и немного помечтал о красавице, которая может быть станет моей супругой. Однако иллюзия навеянная Диной оказалась несбыточной, так как среди знакомых мне девушек черноглазых кандидаток в невесты не было. Были лишь голубоглазые...

Допил остывающий чай и стал наблюдать, как маленький табор шумно вытекает из кафе. Потом подошёл к буфетчице и попросил завернуть для меня пару беляшей в дорогу. Деньги я вынул из кармана куртки. Их у меня осталось немного.

– Восемьдесят рублей, – сказала буфетчица.

Я развернул купюры и достал для неё сторублёвку.

Черномазый цыганёнок, неожиданно оказавшийся рядом, протянул руку к деньгам и тоже вытянул из них купюру.

– Динка всегда говорит правду и за это нужно платить, – таинственно прошептал он и тут же исчез.

– Вот сорванец! – воскликнула буфетчица и вручила мне свёрток с беляшами. – С цыганами нужно быть бдительным!

Я не взял сдачу, схватил свёрток и выбежал из кафе...

В моей руке остались две пятидесятирублёвые купюры. А ведь у меня была ещё и тысяча. Маленький цыганёнок ненавязчиво ограбил меня!

На площади возле кафе осмотрелся. Никого...

Плакали мои денежки. Я, конечно же, расстроился. Посокрушавшись, сел в авто и поехал в Эnsk.

Об «оплаченном» предсказании юной цыганки я вскоре забыл.

Не люблю коллекционировать неприятные истории, которые иногда случаются со мной...

Глава первая

Моя «бригантина», старые «Жигули» шестой модели алого цвета, преодолела крутой подъём и чихнула, всосав вместо бензина порцию воздуха. Потом мотор, словно спортсмен после спурта, успокоился, и она тихо поплыла по старому бетонному шоссе к пологому спуску.

В топливном баке, если верить залипшей к ограничителю стрелке и стабильно горящей лампочке на приборе, вот-вот должен образоваться абсолютный вакуум. Канистра, подпрыгнувшая в багажнике от дорожной неровности, напомнила об отсутствии неприкосновенного запаса. Последние десять литров я влил в бак ровно сто двадцать километров тому назад.

Спуск к городу начинается за плавным поворотом.

Прямая линия шоссе, появившаяся передо мной, рассекает дремучие лесные заросли на две равные части и в сизой от тумана и сумерек низине упирается в каменистую гору, возвышающуюся серым горбом над зелёным саваном. Эту гору здесь называют Сопкой.

За Сопкой медленно погружается в сумерки город Энск.

Включаю приёмник. На волне «Автордио» транслируют песни из старых индийских фильмов. Красивая ритмичная музыка и приятные голоса исполнителей слегка взбадривают утомившегося путешественника.

«До поста ГИБДД – 10 км», – напоминает информационный щит на обочине шоссе. Пост дорожной полиции расположен на перекрёстке с кольцевой дорогой, внутри которой существует моя маленькая родина.

Июльское солнце висит над горизонтом, едва касаясь серебристо-зелёного хвойного массива простирающегося левее Сопки. Вечернее светило неяркое. Но я опускаю светозащитный козырёк, чтобы не напрягать бронзовым светом уставшие в пути глаза.

На четвёртой скорости разгоняю машину до ста двадцати километров и выключаю двигатель. До конца спуска буду ехать, экономя последние капли бензина. Внизу, перед поворотом на дорогу огибающую Сопку есть автозаправочная станция. А в моём кармане завалились около ста российских рублей, на которые мне продадут на АЗС три литра топлива марки АИ-92. Этого должно хватить для одоления оставшегося пути к дому, что на улице Маршала Крылова.

Десять часов вечера. Активное время для режимного города закончилось. На шоссе нет ни одного автомобиля. Случись непредвиденная остановка, придётся ночевать на обочине до утра...

Но мои «Жигули», слегка замедляя ход, спуск-то не очень крутой, шелестят шинами по сухим бетонным плитам и приближают меня к концу путешествия.

Радж Капур душевно исполняет «арию» путешественника по Индостану из старого индийского фильма.

Мои же странствия по России сегодня завершаются.

А через неделю закончится и отпуск.

И начнутся трудовые будни...

Вместе с приближением «бригантины» к Сопке медный диск солнца быстро провалился за горизонт, и наступила ночь. Не вечер с медленным переходом в тёмное время суток, а настоящие потёмки. Включаю ближний свет.

Заправочная станция рядом с шоссе, на крытой асфальтированной площадке. Плавню поворачиваю направо, и машина по инерции вкатывается под навес.

Колонка с 92-м бензином в конце станции, и я, с учётом всё той же инерции, намеревался подъехать к ней, но передо мной неожиданно появился чёрный с выключенными габаритными фонарями «джип», припаркованный у колонки с 95-м. Я притормаживаю, не сообразив, что

иномарку можно объехать. На просторной площадке других машин нет. Однако сделать задуманный манёвр не удаётся. Двигатель без топлива даже не чихнул.

Выключаю фары и приёмник. Не хватало, чтобы ещё и аккумулятор сел. Придётся подождать, когда многосильный «Субару» наполнит объёмный бак и уйдёт восвояси...

Но он стоит на месте. И, кажется, уже заправлен, так как дозирующий шланг висит на колонке. Водителя рядом не видно, заснул что ли?

Уставшие ноги по-морскому воспринимают земную твердь. Всё-таки езда за рулём автомобиля – работа, от которой устаёшь.

Как я понимаю космонавтов, которых после длительных полётов встречающие несут на руках.

Хозяин «Субару», высокий с чеховской бородкой интеллигент, шустро выскакивает мне навстречу.

– Вам 95-й? – спрашивает он.

– 92-й, – отвечаю я. – Но я на абсолютном «нуле» и передислокацию к нужной колонке могу произвести только с помощью стартера.

– Следовательно, мне нужно уступить дорогу?

– Если вам нетрудно.

– Подтолкнёте? – неуверенно спрашивает интеллигент.

– А у вас что? – парирую я.

– Ах! – махает рукой мужчина. – Электроника! Жду техпомощь. Обещали приехать часа через три. А вы в этих машинах что-нибудь понимаете?

– Нет, – говорю я. – Я и в «Жигулях», не очень... Чайник!

– Ясно! Тогда помогайте толкать. Думаю, вдвоём осилим... – Интеллигент заглядывает в кабину. – Зара, пересядь за руль!.. Ну, поехали!

Человек по имени Зара не выходя из салона, пересаживается за руль. И мы выкатываем «Субару» из-под навеса.

Мой ещё неразряженный аккумулятор со стартером подтягивают «бригантину» к колонке.

Включаю в салоне свет и пересчитываю наличность.

Две пятидесятирублёвые купюры в правом наружном кармане джинсовой куртки. Бумажный «червонец» в левом. Пять рублей мелочью в кармане брюк. Проверив остальные карманы, обнаруживаю ещё десять копеек. И всё!.. Поиздержался путешественник в дороге!..

Обыскиваю автомобильный бардачок. На дне под бумагами и всяческим хламом нахожу монету достоинством в сто рублей, выпуска 1992 года. Раритет для нумизмата.

Тут я, конечно же, вспомнил недобрым словом цыганёнка лишившего меня тысячерублёвой купюры. И обругал себя за отсутствие бдительности...

Представляю, как буду просить оператора станции, заправить машину на имеющуюся унизительную сумму. Российский «бродяга» в конце пути!

Ничего, заправит. Не бесплатно же буду просить.

– Не курите? – спрашивает интеллигент, дыхнув в салон сладковатым сигаретным дымком.

– Спасибо, нет! – отвечаю я, быстро собирая деньги в кулак. – На территории АЗС курить запрещено.

Хозяин «Субару» стоит рядом и прячет пачку с сигаретами в карман пиджака. Улыбается без иронии на лице. На замечание реагирует правильно, стрельнув взглядом на окошко заправщицы, тушит прикуренную сигарету.

Появился он возле меня неожиданно. Это меня смущает. Не привык демонстрировать свою несостоятельность посторонним и обеспеченным.

А впрочем, какое дело им всем до меня!.. И мне до них!..

– У меня к вам – предложение, – говорит вполне обеспеченный интеллигент. – Точнее, просьба.

Я выхожу из салона. Руку со смятыми деньгами прячу в карман.

Мужчина отходит в сторону от открываемой двери, и я вижу девушку, стоящую за ним.

Наверное, это и есть Зара.

Среднего роста, почти не различимое в сумерках смуглое лицо. Длинные чёрные волосы, спадающие кольцами на грудь и плечи, перевязаны узкой лентой, поблёскивающей на лбу разноцветными бусинками, или стразами. Одета девушка в длинное пёстрое платье.

И тоже улыбается.

Так бесхитростно могут улыбаться цыганки, когда уговаривают лоха отдать им последние деньги за предсказанное призрачное счастье.

Знаем мы ваших ворожеек!.. Не отдам!.. Самому бабки нужны!..

– Слушаю вас, – говорю я, переводя взгляд на мужчину.

Интеллигент выглядит как европеец. Голубые глаза, тёмно-русые с проседью волосы, аккуратно подстриженная бородка. Дорогой костюм, серая без галстука рубашка. Лет ему под сорок.

А Заре, может быть двадцать...

Не родственница она интеллигенту. И не жена...

Так! Что это я на цыганке зацикливаюсь?.. И она на меня поглядывает, колдунья...

– У меня очень важные пассажиры, – говорит мужчина, – а из-за поломки я не смогу доставить их в Энск. Вы ведь житель Энска?

– Да, житель Энска, – с недоверием к собеседнику отвечаю я.

– Я заправлю бак вашей машины бензином, а вы доставите Зару, – мужчина кивает на девушку, – и двух её племянниц по адресу, который она укажет. Это моя просьба... и выгодное вам предложение.

Несомненно, выгодное! И главное без вступительного предисловия и унижительного захода со стороны. Прямо в лоб. Вежливое внедрение в моё положение...

Город Энск небольшой. За полный бак бензина можно и согласиться. Несмотря на усталость, пара лишних километров по ночному городу меня не укатают.

– Согласен! – выдержав паузу, принятую при договорных сделках, говорю я.

– Вставляйте пистолет, – ненавязчиво командует интеллигент. – Сколько литров вмещает бак?

– Тридцать восемь.

– Всего-то! – бурчит он и начинает шарить в карманах пиджака.

Я быстро набираю на крышке шифр и вставляю пистолет в горловину.

В это время из салона «Субары» выбегают две юные цыганочки лет по четырнадцати, получают у моего благодетеля деньги и принимаются будить оператора заправки.

Мотор дозиметра колонки заурчал, в бак «бригантины» потекла живительная жидкость, и у меня на сердце отлегло...

Счётчик остановился на 35-ти литрах. Неслыханная щедрость случайно встретившегося на моём пути мецената!

Шустрые цыганочки пересчитали полученную у оператора сдачу и вернули её мужчине. А он в это время извлёк из багажника «Субары» две небольшие сумки с вещами и вручил их девочкам. И они самостоятельно разместились вместе с багажом на заднем сидении «шестёрки».

Зара о чём-то разговаривает с интеллигентом и поглядывает в мою сторону, видимо ожидает окончания процедуры заправки.

Я не спешу. Я спокоен. Мои движения, не смотря на усталость, уверенны...

Пистолет отправлен в ячейку колонки, крышка на горловине завинчена, цифры шифра перемешаны, обтекатель захлопнут...

Ночная прохлада ещё не остудила салон. И в «бригантине» по-домашнему уютно. За время путешествия мы с ней создали свою личную атмосферу, напитали друг друга запахами, сжились, «не разлей вода». Присутствие чужого духа ощущается даже в проникших в салон бензиновых парах. Ненавязчивый запах дешёвых духов... и чего-то мне неизвестного... цыганского...

На заднем сидении возятся смуглые девчушки, чем-то шелестят, шепчутся и сдержанно хихикают.

Мне привиделось, что вокруг меня начинает витать синий туман, вязкий, как сироп. Наваждение какое-то! От усталости что ли?..

Потёр пальцами глаза, помассировал виски.

И усталость почти что развеялась, напоминая о пользе движения.

– Зара, – сказала севшая рядом девушка и аккуратно захлопнула дверь.

– Максим, – ответил я, поворачивая ключ в замке зажигания.

– Поехали?

– Поехали...

Улыбающийся хозяин «Субару» проводил нас взмахом руки.

Девочки на заднем сидении пропищали: «До свидания!»

«Бригантина», уставшая не меньше моего, выкатила на шоссе и поплыла к долгожданному городу Энску.

Я держу руки на руле и лениво борюсь с новым наваждением, приютившимся справа от меня. Ветерок, проникающий в приоткрытое окно, принимается играть с её чёрными локонами.

Остатки призрачного синего тумана незаметно исчезают из нагретого за день салона...

Я бы с удовольствием промолчал оставшиеся до финиша полчаса, но было неприличным сидеть рядом с миловидной цыганочкой угрюмым букой и не сказать ей пару комплементов или не спросить о погоде в местах, где в данный момент кочует их табор.

От усталости соображается туго и желание заводить разговор, угасает...

Однако его начинает Зара:

– Максим, по вашему лицу заметно, что вас преследует желание что-нибудь спросить у меня. Так спросите! Я расскажу!.. И вы поделитесь со мной, если есть чем.

Шутить про табор желание пропадает. Уж больно приятен у девушки голос и ненавязчив предлог к началу знакомства.

– Зара, вы не из нашего города?

– Я родилась в Киеве, но проживаю в нашем городе Энске. Окончила здесь среднюю школу номер девять, окончила Энский педагогический университет, работаю завучем и преподаю русский язык и литературу в педучилище. Не замужем. Живу с родителями. Мама домохозяйка. Отец военный... Что-нибудь слышали о генерале Штефане?

– Военный комендант Энска? Это ваш отец?

О суровом коменданте города генерал-майоре Штефане знают все. Не смотря на то, что Энск стал открытым военным объектом, строгость в режиме здесь не утрачена. Только благодаря коменданту в Энске не расцвела организованная преступность и не разгуливают по улицам иностранные разведчики с фотоаппаратами. И многое, что было потеряно в стране за последние двадцать пять лет, здесь сохранено. Благодаря генералу Штефану.

– Это мой отец. Предки по линии деда румынские цыгане. Бабушкина ветвь из Молдавии. Мама украинка. А я – русская. Теперь вы Максим расскажите о себе.

Значит, гадать по линиям на руке русская цыганка Зара не будет. Придётся исповедоваться.

– А племянницы живут с вами? – спрашиваю я, обдумывая с чего начать повесть о себе.

– Тройродные племянницы переночуют у нас, а завтра я отвезу их на хутор Озерки. Там обитает моя бабушка по папиной линии.

– Знаю такой хутор. Три бесхозных дома. Я в курсе, что там поселились цыгане, которые причиняют немало хлопот нашей полиции.

– Эмигранты из Молдовы. Весёлые, трудолюбивые. Отремонтировали заброшенные хуторские дома и живут в них. К наркотикам отношения не имеют. У них много цыганской крови. Поэтому женщины занимаются домашней работой, рожают детей и гадают; мужчины играют на скрипках в городских ресторанах. Цыганские дети умные, но не желают посещать школу. Девочки учатся гадать, мальчики канифолят смычки. Удивляюсь, как удалось моему деду Виссариону Штефану заставить окончить школу, а потом выпроводить из табора на учёбу в Киевское военное училище моего папу, будущего генерала. Дедушка Виссарион недавно умер. Он был самым красивым бароном в Бессарабии. И бабушка Рада приехала к нам в Энск. Но жить под надзором сына генерала отказалась. Облюбовала себе заброшенный хутор и поселилась в нём. А через полгода остатки бессарабского табора собрались под её крылом.

– Значит, ваш табор возвратился с небес?

– Да, наш табор вернулся на Землю, – Зара внимательно посмотрела на меня. – А вы, Максим, наверное, знаете о цыганах только из кинофильмов? И ещё из криминальных новостей, в которых сообщают о похождениях лукавых гадалок и дерзких конокрадов?

– Признаюсь, это так. Роли, сыгранные в кино Матвеевым, Волонтиром, Козаковым, создали образы сильных, красивых и умных цыган. А фильм «Табор уходит в небо» Эмиля Лотяну мне понравился своей трагичностью и неземной любовью.

– Да уж! Любовь у цыган самая что ни есть неземная! И женщины наши лукавы, и дерзки. А мужчины готовы за любовь убить или умереть!..

Откровение девушки меня обескуражило. Я быстро поменял тему беседы.

– А хозяин «Субару» кем вам приходится?

– Виктор Васильевич – директор педучилища, в котором я преподаю и заведую учебной частью.

– Спасибо, – говорю я. – Допрос окончен. Теперь буду рассказывать я.

Зара улыбнулась.

– Родился и вырос в Энке. Окончил школу номер четыре. Поступил в педагогический институт, который потом стал университетом. Мечтал преподавать историю. Окончил три курса и подал заявление на вечернее отделение. Подвернулась приличная денежная работа. Однако ректор не согласился с моей просьбой, так как я числился на курсе прилежным студентом... Я настоял на своём и вместо обучения на вечернем отделении, получил повестку в армию.

– Ректор Бутейко посодействовал? – спросила Зара.

– Он! После службы я восстановился на вечернем отделении и окончил его с красным дипломом.

– Когда окончили?

– Три года тому назад.

– И я в это время окончила обучение. Почему не встретились?

– Вечерники и заочники обучаются в филиале на улице Панфилова.

– Понятно... О! Нас кажется, останавливает военный патруль. Или гаишники!

– Патруль ДПС, – поправил я Зару, вырывая «шестёрку» на обочину шоссе. – Предварительная проверка перед постом ГИБДД. В тёмное время суток они всегда останавливают одиноких странников. Мали ли что мы везём в режимный город!

– Или кого...

– Не беспокойтесь! Паспорт и пропуска при вас?

Зара погружает руку под пышные развалы цветастого одеяния и извлекает миниатюрный ридикюль.

И чего в нём только нет!..

Паспорт и пропуска обнаруживаются не сразу. Я собираю документы девушки и выхожу навстречу инспектору.

– Макс, ты что ли? – бурчит старший лейтенант и освещает фонариком своё лицо.

– Вася Ищенко! – узнаю я инспектора, проживающего в нашем доме, в соседнем подъезде. – Привет!

– Здорово, сосед! Откуда путь держишь? – Ищенко игнорирует мои документы и принимается изучать паспорт Зары. – Дочь коменданта города? – спрашивает он, приподнимая взгляд на меня.

– Да, дочь.

– Кучеряво живёте, караси! – восклицает Вася.

– Ничего живём, мерси!

– Ты напомни гражданке Штефан, что у неё заканчивается срок действия пропуска. Неделя осталась. И так, откуда едешь?

– В настоящее время нахожусь в отпуске. Путешествовал. Друзей навещал.

– С дамой?

– К сожалению, нет. Случайная попутчица.

– А ещё кто в салоне?

– Племянницы дамы. Несовершеннолетние. Временные пропуска на них имеются.

– Вижу, Макс, вижу... – Ищенко складывает пропуска в паспорт и вручает мне. – Ну, пока! Береги попутчицу.

– Ага! Как зеницу ока!

Стационарный пост ГИБДД даёт мне «отмашку» – следовать без остановки. Видимо Ищенко просигналил по радиации про дочь коменданта.

Город-труженик устал и готовится ко сну. Лишь состоятельные владельцы дорогих машин перемещаются по освещённым улицам в поисках приключений. Тротуары пусты, а на проезжей части плотный поток из иномарок. Как в столице, по улицам которой мне довелось прокатиться в вечернее время. И в нашем городе работают ночные рестораны, бары и прочие публичные заведения, активно посещаемые горожанами, не уважающими общественный транспорт.

«Генеральский квартал» находится в центре Энска. К нему я и причалил «бригантину». Девчонки на заднем сидении притихли, дремлют. Зара оборачивается к ним.

– Устали, – шепчет она. – Максим, не окажите ли вы нам ещё одну услугу? – спрашивает попутчица, обернувшись ко мне.

– Проводить до подъезда?

– Нет, это я осилю самостоятельно. Завтра мы собираемся поехать в хутор Озерки. Будет замечательно, если вы на своей машине доставите нас к бабушке. Дело в том, что папа в настоящее время в командировке и его вездеходным «Патриотом» я не сумею воспользоваться. А моя «Хонда» по дороге к хутору не пройдёт. Низкая посадка.

Однако неожиданный поворот намечается в моей завтрашней биографии, и я представил, как буду преодолевать загородное бездорожье от города до цыганского поселения.

– Нужно подумать.

– Я заправлю бак вашей машины ещё раз... Или два раза.

– До Озерков всего-то километра три. Хватит того что есть.

– Значит, договорились?

– Как, уже?!

Зара засмеялась.

– Я не настаиваю. Это предложение, от которого вы можете отказаться.

– Ну... – произношу я, чувствуя себя не в своей тарелке.

– А потом мы вернёмся в город, и я приглашу вас к себе и угощу чем-нибудь вкусным. Я хорошо готовлю... Можем пойти в кафе или в ресторан. Я приглашаю!

Я не стесняюсь девушек. Но в настоящее время!..

У меня нет подруги, с которой было бы приятно «поговорить по душам». А просто провести время, кандидатов хоть отбавляй. Но такие забываются через пять минут. А Зара – совсем иное существо. Что там у неё внутри – вопрос. Но флюиды! Они откуда-то вынырнули и прямо-таки туманят уставший мозг... Да чего там! Симпатична мне эта девушка... Давно не испытывал таких необычных ощущений.

– Мы планируем это мероприятие часа на три после обеда, – изучив мыслительную задумчивость водителя, продолжила пассажирка. – Вас это устроит?

– Ну, куда ж я теперь без вас! – брякнул я совсем не к месту. – Извините! Я, пожалуй, отвезу вас. Без заправки бака бензином.

– Завтра будет видно, – таинственно шепчет девушка. – Максим, вы не окончили рассказ о себе... Хотите, я закончу его?

Я протягиваю цыганке руку ладонью вверх.

– Здесь всё написано.

Зара включила свет в салоне и нежными пальчиками ласково прошлась по моей мозолистой, испачканной машинным маслом и пахнущей бензином руке.

– Вы не женаты... – начала Зара, исследуя почерневшие от въевшейся грязи линии на ладони. – Вы не работаете учителем истории в школе... Один из родителей у вас – педагог. Второй скорее медик... или военный... А вы, Максим, – мент.

– Может быть, коп. На американский манер.

– Полицейский!..

– Лейтенант полиции Рошин, к вашим услугам! – тихо докладываю я гадалке. – Папа преподаёт историю в школе. Я с детства хотел быть похожим на него. Поэтому поступил в пединститут. Мама военный врач. Доктор медицинских наук. Полковник медицинской службы, начальник военного госпиталя. Часто встречается с генералом Штефаном по долгу службы... А вы – колдунья?

– Отнюдь! – улыбается Зара. – Всё что я рассказала о вас, и в самом деле написано на ладони вашей руки.

Ну да! Так я и поверил вам, черноокая волшебница!

Девчонки проснулись, и синий туман снова заполнил салон машины.

– Уже поздно, – говорит Зара. – Девочки, на выход! А вы, Максим, позвоните мне завтра в час дня. Вдруг всё пойдёт не так, как мы с вами задумали. Вот моя визитка с городскими номерами – первый служебный, второй домашний... Если не поедет в Озерки, то от вкусного обеда нам с вами не отбойриться!

Они уходят в темноту двора. А я, отравленный синим туманом и раненый на всю голову цыганскими глазами, поплыл на уставшей «бригантине» по расцветченному рекламой вечернему городу домой...

Мама дежурит в госпитале.

Отец, обняв путешественника, указывает на ванную и на кухню.

– О впечатлениях потом расскажешь. Вижу, что устал. Умывайся, ужинай и спать!..

И удаляется в свой кабинет. Он там работает: читает, готовит конспекты для уроков и не любит, когда его беспокоят. Даже моё появление после трёхнедельного отсутствия, не является поводом для прерывания творческого процесса.

Тёплый душ, стакан молока с мягкой булочкой и чистая постель...

И никаких цветных сновидений с колдуньей, ни синего тумана, ни зова флюидов...

Проснулся в восемь часов.

Солнечные блики играют с любопытными сомиком в аквариуме. Книжки на полках заждались читателя. Боксёрская груша висит в углу. Выглаженные брюки и рубашка приютились на спинке стула.

Мама позаботилась, готовилась к приезду сына.

Красота! У лейтенанта есть свой денщик в звании полковника...

Славные у меня родители.

В полудрёме обхожу квартиру. Дома никого нет. Мама поздно вечером пришла с дежурства, а рано утром уехала на очередной консилиум. Папа, наверное, в школе, или на рынке – покупает овощи.

Воскресшие впечатления от вчерашнего знакомства с цыганкой взбадривают сознание, и я быстро покидаю безмятежную негу. Сон как рукой сняло. Делаю зарядку. Несколькими ударами по дремлющей в углу груше восстанавливаю душевное равновесие.

Стакан минералки заменил мне завтрак.

В ванной комнате поработал над внешностью. Сбрил двухдневную щетину, ножницами подровнял усики на французский манер – тонкая линия над верхней губой. Подстриг и почистил ногти. Непослушную шевелюру решил выправить в парикмахерской, отросла за месяц. А потом погрузился в горячую воду и млея в ней минут тридцать.

Юная узбечка-парикмахер со знанием дела сотворила мне аккуратную причёску.

Банкомат Сбербанка выдал наличность – зарплату за истекший месяц. Я прикинул, во сколько обойдётся посещение ресторана или кафе...

В полиции хорошая зарплата, но мой месячный доход не для шикарных заведений. Может попроситься к учительнице домой и испробовать её деликатесов? Ведь намекала.

А впрочем, чего это я распустился как утренний одуванчик!

Меня, всего лишь, попросили поработать таксистом. Туда и обратно. А фривольные обещания леди, это лишь предлог для вербовки на один час наивного юноши-извозчика.

Эта тоскливая мысль вернула меня «с небес на землю».

Подстриженный, напомаженный и с «бабками» в портмоне я выгнал «бригантину» из гаража и заехал на автомойку.

Вернувшись, извлёк из бардачка цифровой фотоаппарат и переписал отснятые за время путешествия кадры на планшетник. Просматривать их настроения не было.

Пришёл отец, принёс овощи и фрукты.

Часы показывали без двадцати одиннадцать.

Вместе с папой позавтракали и стали смотреть фотографии. Я давал пояснения: где, когда и что снимал. Отец остался довольным импровизированным фотошоу.

Ровно в час дня поднял телефонную трубку и набрал номер Зары.

– Я опасалась, Максим, что вы не позвоните, – сказала она после обмена приветствиями. – И ещё мне показалось, что вы стесняетесь... Всё будет хорошо, Максим! Приезжайте! Мы вас ждём...

Зара назвала номера подъезда и квартиры известного мне дома.

Глава вторая

Подъезд генеральского дома не только вход в обитель важных и именитых людей, он их коллективный портрет.

Пространство, возникшее передо мной в результате перемещения из пыльного двора в рукотворный райский уголок, ошеломило своей необычностью. Я застываю у входа, что бы привыкнуть к нему.

Фикусы, пальмы, лимонные деревья с золотистыми плодами, заполнившими почти весь просторный холл, окунают вошедшего с улицы человека в искусственные тропики.

По расписанным яркими красками примитивным пейзажистом стенам развешены кашпо в виде морских раковин и птичьих гнёзд. Из них свисают до пола вьющиеся лианы с разноцветными листьями.

От тяжёлой входной двери до широкой мраморной лестницы возлежит зелёный с цветами палас похожий на садовую лужайку. Вся рукотворная экзотика освещена десятком плафонов в виде бутонов лотоса из зелёного стекла с разноцветными лампочками внутри...

Рукотворные кущи источают ароматные запахи Эдема...

Из глубины пальмовых зарослей изливается волшебная релаксирующая музыка. Оттуда же слышится журчание ручейка и пение «райского соловья».

Присмотревшись, замечаю за сенью зарослей клетки с пернатыми и электрический фонтанчик в виде висящего в воздухе водопроводного крана, из которого низвергается журчащая струя... На фоне натуральной зелени уютится древний двух тумбовый стол.

Над столешницей из зелёного сукна возвышается существо в армейской рубашке с короткими рукавами. На узких плечиках топорщатся погоны с защитного цвета звёздочками. По три штуки на каждом погоне – старший прапорщик.

Берет синего цвета с кокардой, гармонирует с тёмно-синими глазами, строго и в упор смотрящими на меня. Пухлые губы улыбаются. Полные руки, плотно обтянутые рукавами, громоздятся на столешнице между двух телефонных аппаратов с дисками для набора номеров. Ретро аппаратам от роду лет по шестьдесят. Старшему прапорщику вдвое меньше.

– Здравствуйте! – рокочет существо контральто, стоило мне ступить на ковровую лужайку. – Ваше звание и фамилию, пожалуйста!

– Добрый день! Лейтенант Роцин, – отвечаю я существу, не сразу понимая, что это – женщина.

– Лейтенант Роцин? – переспрашивает дама, открывая солидных размеров амбарную книгу. – Не помню! – с изумлением ворчит она, и взглядом пробегается по двум последним страницам с данными лиц, зарегистрированными в качестве посетителей квартир именитых жильцов дома. – Когда вас заказывали, лейтенант Роцин?

– Сегодня, – отвечаю я. – Час тому назад.

Она смотрит на последнюю запись в книге.

– Вас здесь не отмечено, лейтенант! – Старший прапорщик встаёт из-за стола, театрально поиграв бицепсами, выходит мне навстречу, попутно прихватив с собой резиновую дубинку...

Женщина атлетического телосложения в длинной форменной юбке предупредительно шлёпает дубинкой по пухлой ладони своей левой руки и преграждает проход к мраморным ступеням.

– А вы, лейтенант, собственно... к кому нацелились?

– Меня пригласили в квартиру генерала Штефана.

– В квартиру генерала Штефана приглашён человек с другой фамилией. Покажите ваши документы, лейтенант.

Я достаю портмоне и извлекаю из него водительские права.

– Паспорт! – отказавшись изучать мои данные по правам, требует женщина цербер. – Или военный билет, пожалуйста...

Я достаю из бокового кармана куртки удостоверение сотрудника полиции.

– Это что? Пропуск в бассейн?

– Паспорта, к сожалению, с собой не ношу...

– У нас режимный город и паспорт всегда нужно иметь при себе, лейтенант! Так что это?

– Удостоверение сотрудника полиции, – отвечаю я и протягиваю красную книжечку старшему прапорщику.

– Давайте! – ворчит старший прапорщик и двумя пухлыми пальчиками вытягивает «ксиву» из моей пятерни. – Я справлюсь о вас у Полины Ивановны.

– Простите, а как фамилия гражданина, зарегистрированного для посещения квартиры Штефанов? – спрашиваю я.

– Эта фамилия вам ничего не скажет. И это – военная тайна, лейтенант!

– Тогда скажите мне свою фамилию, товарищ старший прапорщик!

Женщина вскидывает на середину лба пушистые чёрные брови, несколько мгновений изучает меня, а плотом смотрит в удостоверение.

– Старший прапорщик ФСО Крошечка, – щёлкнув сдвинутыми туфлями, спокойно представляется женщина. – Оксана Петровна, – подумав, добавляет она.

– А гражданин, зарегистрированный для посещения квартиры Штефанов, записан у вас под фамилией Максим? – спрашиваю я, сдерживая икоту от вырывающегося из меня смеха.

Оксана Петровна заглядывает в книгу.

– Действительно, под фамилией Максим, – подтверждает Крошечка. – Запись сделала моя напарница.

– Это моё имя, Оксана Петровна. Я – Максим Роцин.

Крошечка снова смотрит в удостоверение.

– Сейчас я позвоню в квартиру генерала Штефана и справлюсь насчёт вас, лейтенант Максим... Роцин.

– Справьтесь, Оксана Петровна, справьтесь...

Лифт у генералов тоже не простой. Маленькая комнатка с диванчиком на две персоны и журнальным столиком возле него. На полу сияющий жёлтыми цветами на зелёном фоне палас. На столике разложены свежие журналы и газеты. Над ним низко висящий плафон с включённой лампочкой.

Интересно! здесь что? кто-то сидит в свободное от службы время? и читает?!

Лифт бесшумно ползёт на одиннадцатый этаж пятнадцатизэтажного дома. В левой руке у меня горшок с пузатым кактусом. Полина Ивановна заказала сей редкий экземпляр в цветочном магазине. Его доставили вовремя, но бдительная Крошечка, в целях безопасности заказчика, разносчика заказов дальше фойе не пропустила. А мне, после получения по телефону характеристики моей персоны от Зары и моей витиеватой росписи в амбарной книге, доверила доставку цветка.

В правой руке упаковка с книгами. Вероятно посылка из магазина «Книга почтой», недо- ставленная лично адресату по той же причине.

Створки дверей лифта веером складываются вправо, и я вхожу в ещё один причудливый уголок генеральского бытия.

Просторный холл, освещённый натуральным светом из двух огромных окон, расположенных напротив друг друга, украшают картины неизвестных мне мастеров в массивных рамах. Их десятка три. Для изучения галереи потребовалось бы время.

В холл выходят две двери, ведущие в квартиры. Обе из морёного дуба, двустворчатые, почти под потолок, оснащённые импортными замками, сверкающими бронзовыми кнопками.

Квартира генерала справа.

Стоило мне сделать несколько шагов к цели, как резная дубовая створка раскрылась и передо мной появилась женщина лет пятидесяти. Очень симпатичная. Наверное, супруга генерала.

– Здравствуйте Максим! – сказала женщина, принимая у меня горшок с кактусом. – Я, Полина Ивановна Штефан. Проходите.

И меня нежно подтолкнули в прихожую... Во вторую залу всё той же картинной галереи. Даже окна такие же огромные и расположены напротив друг друга. Только пол здесь не из мраморной крошки, а из добротного паркета.

– Проходите дальше.

Дальше обычная одностворчатая дверь и нормальных размеров прихожая, в которой у меня забрали книги и предложили тапки.

Ещё дальше, в уютном холле, меня усадили на диван перед миниатюрным столиком, на котором стоит роскошная хрустальная ваза наполненная конфетами.

– Угощайтесь, Максим! Зара сейчас будет...

Полина Ивановна вошла в следующую комнату, и было слышно, как каблучки её туфель долго цокают, отмеряя расстояние от холла до следующего помещения квартиры. Наконец раздался негромкий стук закрываемой двери.

Где-то очень далеко защебетали девочки-цыганочки. Но щебет тут же прекратился. И через несколько мгновений передо мной возникла «принцесса Нури». Примерно так выглядит красавица, нарисованная на коробке с индийским чаем.

На смуглом лбу принцессы сверкает звезда, отмечающая кастовую принадлежность индийских девушек. Или что-то ещё?... Ведь цыгане когда-то, очень давно, пришли из Индии. И разбрелись по всему свету...

Сари из полупрозрачной синей материи покрывает всё тело Зары. Внизу из-под него видны босые ноги с браслетами у щиколоток и ярким педикюром. Вверху прикрытая тканью головка с широко раскрытыми глазами. Губы в неброской помаде. На крыле носа поблескивает ещё одна маленькая звёздочка. И принцесса улыбается!..

Я встаю. Нет, подпрыгиваю!..

Ноги делают это автоматически. Привык вскакивать при виде входящего в кабинет начальства. А здесь – индийская принцесса!..

Зара замирает у дверей и рассматривает меня. В широко распахнутых чёрных глазах вспыхивает не то изумление, не то недоумение.

– Максим?! – спрашивает Зара, словно впервые видит нанятого для извоза таксиста.

– А вы кого ожидали увидеть? – вполне спокойным голосом говорю я, ибо во мне в данный момент снова распухался утренний одуванчик.

– Вчера вы выглядели иначе, – шепчет девушка.

– Ночью все кошки чёрные! А вот вы вчера были колдуньей, а сегодня – индийская принцесса!

Зара смутилась. По-киношному потупила взор и прикрыла лицо материей.

– Через десять минут мы будем готовы к путешествию!

Я не успеваю ответить.

Прелестная индийская «дива» растворяется за закрывшейся дверью, а «мент» падает на диван.

Рядом с золотым одуванчиком на Свет Божий является синий лотос...

Путешествие началось через десять минут.

Обыкновенно началось, как и многие другие путешествия. Ну, разве что не присели и не помолчали «на дорожку». Не в турне же по бескрайним просторам родины отправляемся.

Полина Ивановна пригласила меня в следующее помещение квартиры и попросила поднести к машине два баула с продуктами. Зара и племянницы взяли сумки поменьше, и мы спустились вниз. Девочки успели посидеть в лифте на диване и полистать журналы, лежащие на столике.

При выходе во двор Крошечка услужливо придержала дверь.

Сумки положили в багажник, племянниц посадил на заднее сидение.

Зара, в джинсовом костюме, без индийских украшений и помады на пухлых губках, села рядом со мной...

Её волнистые волосы зачёсаны назад «в пучок» и я теперь вижу при ярком дневном свете смуглую бархатистую кожу на щеках с ямочками и на красивой высокой шее. На мочках ушей серёжки с красными камешками.

Симпатичный носик цыганки морщится, и чёрные очи выстреливают искрящимся звёздами космосом в мои глаза, серо-голубые.

– Поехали? – знакомо восклицает девушка.

– Поехали!..

Голубой туман, взявшийся витать вокруг меня ещё в лифте, испарился вмиг, стоило повернуть ключ зажигания и поместить правую ногу на педаль газа.

«Шестёрка», вымытая снаружи, пропылесосенная и окропленная хвойным дезодорантом внутри не подвела, завелась с пол-оборота. Но тут меня бросило в жар. Я обнаружил на своих ногах тапки от Василия Виссарионовича...

– Плохая примета, – говорю я. – Зара, мне нужно вернуться в квартиру. Поспешил и вышел на улицу в ваших тапочках. Нехорошо с моей стороны...

Девчушки на заднем сидении приглушённо захихикали.

А Зара улыбнулась и открыла дверь салона.

– Я с вами.

Крошечка лишь мельком взглянула на нас и не задала вопросов.

В лифте девушка нажала кнопки закрывания дверей и пуска.

– Максим, – сказала она, повернувшись ко мне, – со мной происходит что-то невероятное. Кажется, я влюбилась... в вас! Такого со мной ещё не было. У меня перед глазами, когда вы рядом, витает голубая дымка.

– Синий туман, – говорю я, утопая в томном взгляде.

– Значит и у вас тоже?.. – шепчет она и кладёт руки мне на грудь.

– И это началось вчера...

– С первого взгляда...

– Это пройдёт, – шепчу я, так как не верю: ни цыганкам, творящим колдовство без репетиции, ни в любовь с первого взгляда.

Сказки всё это, для детсадовского возраста...

Однако такого страстного состояния, клокочущего в моей крови кипятком, я не испытывал никогда. Заворожила меня колдунья!..

Не подчиняющиеся моей воли руки коснулись её плеч, а уста уже устремились к её устам...

– Какие вы, однако, забывчивые, молодые люди! – негромко произносит Полина Ивановна, созерцая в открывшуюся дверь лифта наше незавершённое объятие. – Зара, ты забыла дома телефон. А вы, молодой человек, верните наши тапочки.

Пока Зара ходила за мобильником, Полина Ивановна присутствовала при обмене обувью. Она стояла рядом. И я чувствовал нервные токи, исходящие от женщины. Сейчас грянет гром...

– Если это не шутка, – на удивление спокойно произнесла она, наблюдая за переобуванием, – то я попрошу вас, Максим, не совершать поспешных поступков. А если это сиюминутный порыв, то, тем более, не спешите портить девушке жизнь!..

Я закончил переобувание, выпрямился и посмотрел Полине Ивановне в глаза. Они у неё добрые. И они просят о добре с моей стороны.

– С нами произошло нечто невероятное, – признаюсь я с трепетом в голосе. – Как-то само собой...

– При встрече с цыганами всегда так, – шепчет Полина Ивановна. – У меня с Василием Виссарионовичем, когда он был курсантом, в первое же свидание такой шурум-бурум случился! И тем не менее... Отрегулируйте свои порывы, Максим. Вы – симпатичный молодой человек!.. Но Зара вас не знает! И мы вас не знаем! Возможно, с моей дочерью что-то происходит, намеченное природой и Всевышним. Ей давно пора подумать о замужестве. Но не с первого же взгляда!.. Максим, давайте останемся друзьями, без последствий...

– Мама! – воскликнула Зара, входя к нам. – Я взрослая девочка! И я постараюсь не делать глупостей. И не дам делать их Максиму.

Полина Ивановна вздохнула.

– Думаю, что бабушка Рада задержит вас ненадолго. Вечером приезжает отец. Мы будем ждать вас к ужину... Максим, я приглашаю вас!

– Он уже предупреждён, мама, – сказала Зара. – И от званого ужина не отбоярится!..

В лифте мы вели себя пристойно. Я просто обнял девушку и слушал своим телом её сердцебиение.

– Мы не знаем друг друга, Зара, – сказал я. – Ваша мама права...

– Мама считает, что у цыган первая любовь навсегда. Если же она не обоюдная, то такое увлечение заканчивается страстью. А страсть – сущность сиюминутная. Любовь же – вечна...

– Вчера мы не всё рассказали о себе.

– Да, Максим, – сказала девушка. – И у нас есть время для продолжения диалога. Что бы узнать правду о нас и нашем будущем. Если нет препятствий этому и нет веских оснований скрывать настоящую сущность помыслов в себе, то истина скоро проявится в белом или чёрном свете...

В этот философический миг нашего бытия двери лифта открываются...

Перед нами стоит Крошечка рядом с гудящим пылесосом и улыбается.

Глава третья

Дорога, ведущая к хутору, выглядит неплохо. Похоже, что её недавно отсыпали песком и гравием, отутюжили скрепером и утрамбовали катком. Так что «Хонда» с низкой посадкой могла бы прошелестеть по ней, как по кольцевому автобану. Но я не стал указывать на это Заре.

– Надо же! – словно дублируя мои мысли, восклицает девушка. – В прошлом году здесь плескалось болото! Мы с папой на «Патриоте» с трудом добрались до бабушки.

– Видимо папа посодействовал строительству, – предполагаю я.

– Это не папин профиль. Он как-то обмолвился, что в двух километрах от Озерков находятся заброшенные песчаные карьеры и в них решено построить хранилища для списанных боеприпасов и полигон для их уничтожения. Вот и начали строительство дороги. А строить для хуторян! Да ни за какие коврижки!..

– Действительно, – соглашаюсь я, притормаживая авто перед мутной лужей, разлившейся на пути. – У нас в стране не принято ради жителей, проживающих в заброшенных поселениях строить дороги через заболоченные низины. – Лужа оказалась не глубокой – одна видимость. – А вот снести стоящий на пути строительства хуторок без предоставления населению жилплощади это, пожалуйста. Тем паче, для нужд нашей любимой армии. . .

– Да вы, Максим, пацифист! – восклицает Зара.

– Нет! – возражаю я. – Я не против справедливых и освободительных войн. . . Я не против службы в армии. Свой срок по призыву отслужил добросовестно. Но я против милитаризма во всех его проявлениях. А ещё, мне жутко не нравится армейская бесхозяйственность. У нас ежегодно взрываются склады с боеприпасами. Страдает мирное население, гибнут военнослужащие. . . – Я осторожно проезжаю по жёлтому зеркалу очередной лужи и увеличиваю скорость. – О чём это я?

– О милитаризме! – напоминает Зара.

– Вот именно!.. У нас всё начинается мирно и безмятежно!..

– Да, – соглашается она. – Например, с похищения тапочек из квартиры генерала.

– !!!

– Но мне это безмятежное начало понравилось!.. Максим, через сто метров направо съезд на грунтовку. Вот за этой рощицей с озерцом – наш хутор.

Притормаживаю и вглядываюсь в берёзовые заросли.

Серые шиферные крыши строений замелькали между деревьев. До них от военного тракта метров пятьсот.

Дорогу к приютившимся на лесной поляне домам, конечно же, никто не благоустраивал. И оставшийся до них отрезок пути стал бы для «Хонды» непреодолимым.

Покачиваясь на кочках и ухабах, словно парусник, попавший в шторм, «шестёрка-бригантина» вошла в гавань. То есть на просторную площадь, по периметру которой размещены дома, хозяйственные постройки, гараж. По ней бегают стайки босоногих ребятишек, за ними гоняется игривая вислоухая дворняжка, а возле гаража прогуливаются куры.

Детей и кур для трёх хуторских домов, кажется слишком много.

Путешествуя во время отпуска по русским селениям, я заметил, что в них до ужаса пусто. Нет в них ребятишек. И кур там некому выращивать. Лишь доживающие свой век старушки приглядывают за брошенными их детьми хибарками.

А здесь не видно взрослых. Только дети. Их и не счесть!..

Всё население хутора в возрасте от года до десяти вдруг захороводило вокруг машины, словно потревоженная птичья стая. Цыганята: смуглые, чумазые, весёлые и счастливые щебечут вокруг на русском, румынском, цыганском.

Стоило остановить машину, как её плотно облепили черномазые мальчишки, и огромные чёрные глаза принялись изучать содержимое салона, то есть нас.

Девчонки, наши пассажиры, тут же выскочили на площадь и растворились в общей массе детворы. Всё внимание аборигенов тут же переключилось на них. Словно дети давно знакомы и не нуждаются в представлении друг другу.

И щебечущая стая отклеилась от «бригантины», сплотилась в плотную массу и переместилась в угол двора. Там, под сенью лохматого клёна, распластался самодельный на козлах стол с лавками, где босоногим цыганятам можно как следует изучить приехавших гостей, одетых не по-цыгански, чистеньких, причёсанных и, наверное, умеющих читать и писать.

– Это моя родня, – сказала Зара, открывая дверь машины. – Сейчас я познакомлю вас, Максим, с бабушкой Радой.

Я не помню, какой выглядела старуха Изергиль в рассказе Максима Горького. А бабушка Рада предстала перед нами в виде доброй и весёлой волшебницы.

– О, моя красавица! – услышал я, стоило мне вслед за девушкой выйти из машины. – Моя ненаглядная зоренька, моя радость! Как хорошо, что твои очи сейчас смотрят на меня, а мои видят тебя!

Из какого дома появилась старая цыганка, я не заметил.

Она тихо возникла перед нами и уже обнимает внучку, гладит её худыми смуглыми руками по плечам, целует её в щёки. Ловким взмахом руки освобождает от резинки пушистые волосы девушки и нюхает их, как цветы.

– Уже год как мы здесь, а ты так редко к нам приезжаешь! Васька мой – генерал, ему не до нас! А ты могла бы быть у родной бабушки чаще. Ну да ладно! Как я рада тебя видеть! И мои глаза наполняются слезами радости...

Бабушка промокнула шейным платком глаза, отступила на шаг от Зары и обратила внимание на меня.

– И кавалер у тебя – красавец! Молодой! – Посмотрела на внучку, стрельнула хитринкой из глаз, покачала головой. – И непростой кавалер!.. Видный!.. И что? по сердцу тебе? Или он только подвёз вас до хутора?.. Не опускай глаза! Вижу, что непростой извозчик! А я и у него спрошу про тебя. Он всё расскажет бабушке...

Я стою возле машины и рассматриваю пожилую цыганку. По долгу службы мне приходится иметь с ними дело. Попадают они в полицию за разные проделки. То обманут кого-нибудь, то продадут что-нибудь не то.

Рада ничем не отличается от соплеменниц. В цветастом одеянии. Под бархатной жилеткой, не смотря на тёплую погоду, несколько кофточек и несколько пышных юбок, из-под которых видны смуглые босые ноги, привыкшие к земле. На руках серебряные браслеты, на длинных пальцах кольца и перстни отражают золотистые лучики. На груди, поверх одежды несколько золотых цепочек и монисто из монет. В ушах дорогие серёжки с большими красными камнями. На голове повязан цветной платок в виде тюрбана, из-под которого выглядывают густые пряди седых волос.

Возраст бабушки Рады определить сложно. Ибо выглядит она хорошо, подвижная, не подвержена каким-либо недугам, сковывающим движения. В больших чёрных глазах светится цыганский ум, напитанный опытом кочевой жизни.

Сладострастные комплементы бабушки Рады в мою адрес меня не смущают. Потому что они исходят от женщины привыкшей говорить их каждому, лишь бы задобрить попавшего на удочку простака. Разумеется, я сделал поправку на то, что эта женщина не просто цыганка, а родной человек девушке, которая мне по душе. И я не исключаю того, что эта бабушка станет родной и мне... А может и не станет... Размечтался, извозчик!..

Макс! Табу на контакт с дочерью от Полины Ивановны получил? – держись от цыган подальше!

«Всё проходит, пройдёт и это...»

– Как зовут тебя, мил человек?

Рада вскинула голову вверх, и это движение мне показалось знакомым. Зара делает так же.

– Максим, – представляюсь я и подхожу ближе.

– Максим, – повторяет бабушка. – А меня можешь называть бабушкой Радой. Или просто Радой. Тебя же буду кликать Ромой, если забуду твоё русское имя. Ты отзывайся. У нас всех хороших мужчин Ромами зовут. А какой ты человек, мы скоро узнаем... Если не увижу тебя больше в моём доме, значит, не понравились мы тебе... Если обидишь мою красавицу, Бог тебя накажет!..

Рада внимательно посмотрела на меня.

– Но ты не обидишь, ты – добрый.

Рада промокнула платком глаза. Окинула меня взглядом сверху вниз, словно оценивая товар, и повернулась к внучке.

Зара погладила бабушку по спине и поцеловала в щёку.

– Пошли в дом, – ворчливо произнесла Рада. – Чай будем пить. Я здесь одна с ребятишками. Остальные на работе. – Рада взглянула на собравшуюся возле стола детвора. – А это кто у нас там? Кого привезла?

– Привезла Лену и Катю Коваленко, – ответила Зара. – Помнишь Розу, у которой мужа убили, Дарика? Это их дочери. А Роза в областной больнице. Ей будут операцию делать. Нужны деньги. Роза попросила нас отвезти девочек к тебе. Насчёт денег будем решать с папой. Он сегодня приезжает из командировки.

– Васька не скупой, – проворчала Рада. – А гроши то у него есть? Он хоть и генерал, а копилку не заимел. Не цыганская у него душа. Бесхитростный. А воровать, Господь руку отводит. И слава ему!.. Мы тут тоже покумекаем насчёт грошей. И сколь же просят доктора?

– Много, – говорит Зара.

– Эх! – вспыхивает Рада. – Всё равно загубят красавцу. Не умеют наши доктора делать операции. А гроши им сразу подавай! И не вернут ведь, если что!.. А Дарик плохой был человек. Людей обижал. В карты обыгрывал, большие деньги выручал. И за это ему попадало... И за это убили.

Бабушка обняла Зару за талию, и они пошли к самому красивому из домов, что возвышается на фундаменте из красного кирпича, с широкой террасой, с колодцем из бетонных колец, с палисадом в котором густо растёт уже отцветший лилейник.

На полпути Рада останавливается и оборачивается ко мне.

– Рома, не стой столбом, поставь машину возле колодца, закрой и замкни её. А то гайки потом будешь собирать по всему двору. И заходи в дом. Не стесняйся...

Шумная вереница цыганят, словно живой ручеек влилась вслед за бабушкой Радой в террасу и расположилась на диванах и стульях за сдвинутыми столами. Из сумок, привезённых нами, на стол легли пакеты с конфетами, пряниками и прочими сладостями. Зара с помощью старших девочек распаковала и разложила в вазочки их содержимое. Рада достала из серванта чашки, блюдца и ложечки.

Пока на газовой плите грелся огромный железный чайник, детвора молча изучала гостинцы, возвышающиеся перед ними, но никто к ним не притрагивался в ожидании разрешения от хозяйки дома. В фарфоровый заварник Рада насыпала чай из пакета и положила туда же по несколько щепоток сушёных трав из мешочков, висевших на стене. Заваренный чай несколько минут выдержали под тряпичным колпаком. Потом каждую чашку наполнили

душистой заваркой и кипящей водой. По терраске тут же распространился запах мяты и диких трав.

Зара распаковала несколько коробок с тортами и разделила их между сопящими и глотающими слюнки малышами. Смотреть на них без улыбки было невозможно. Я поражался их терпению.

Рада заняла место в торце стола, меня и Зару посадила возле себя, напротив друг другу. Лена и Катя Коваленко сели возле Зары.

– К вечеру соберутся наши женщины. – Рада придвинула к себе чашку с чаем. То же самое сделали ребяташки. – А после полуночи приедут на своём «кабриолете» и хмельные музыканты. Если останетесь, я познакомлю вас с ними. Зара, ты ведь никого из них не знаешь. Здесь вот детки Чеботару, Ионеску, Дожу. А теперь и Коваленко. Это всё мои троюродные внучатые племянники. Родня. После войны кочевали с их родителями. По Румынии, по Венгрии. А из Штефанов только ты Зара. Мы не плодовитые. У меня с Виссарионом один Васька родился. А у Василия только ты. – Бабушка посмотрела на меня. – А ты, Рома, если возьмёшь мою внучку в жёны, не стесняйся. Троих, а то и пяток деток должны народить. Я погожу помирать. Хочется мне своих правнуков повидать и понянчить.

Зара опустила глаза. А я, наверное, покраснел. И мысленно представил, как по нашей квартире снуют черноглазые цыганята.

Однако старая цыганка склонна к шуткам и фантазиям. Не думаю, что она видит в постороннем человеке, то есть во мне, своего будущего родственника. И для меня её прогнозы всего лишь повод для беседы, нескучной, но и не обязывающей к конкретике. Попью чайку, потрепемся и останемся «при своих».

– Ну, – сказала Рада, – чего не пьёте чай? Остынет ведь!..

И взвод будущих скрипачей и гадалок принялся ковырять чайными ложечками торты, шуршать фантиками, шмыгать носиками и прихлёбывать ароматный чай. И вид у всех стал благопристойным.

Лена и Катя ведут себя более сдержанно. Они, по-видимому, хорошо пообедали у Штефанов и не спеша пробуют торт. Запивают чаем, поглядывают на меня и улыбаются. Вокруг снова замерцал синий туман.

А бабушка Рада медленно разворачивает фантик конфеты и с нескрываемым любопытством поглядывает на девочек. Изучает, наверное, новое пополнение.

Зара вспыхивает блестящими антрацитами из-под густых ресниц очами и указывает ими мне на чашку с чаем.

Я пробую пьянящий аромат цыганского снадобья.

Рядом с утренним одуванчиком и синей лилией появляется лиловый василёк. И мне с ними становится хорошо...

Глава четвёртая

Время в гостях пролетело быстро.

Когда солнце склонилось над дремучим лесом, с юга на хутор напозла чёрная туча и принялась сверкать молниями и рокотать по округе «огромными колёсами цыганской кибитки, обутыми в железные обручи». Так разъяснила испуганным малышам природное явление бабушка Рада.

Ожидался дождь, но его почему-то не было.

Я и Зара, после чаепития и подробной экскурсии по отреставрированным домам и по приусадебным участкам, собрались возвращаться в Энс.

В освобождённые от привезённых гостинцев сумки бабушка положила несколько банок с маринованными огурцами, помидорами, молодым чесноком, а так же пакеты со свежими овощами и пучками зелени. Дары природы я разместил в багажнике машины. Зара пыталась отказаться от подарков, но хозяйка хутора шикнула на внучку, и её сопротивление проигнорировала.

Прощание было коротким. Малыши, спрятавшиеся от грозы в бабушкиной террасе, помахали нам ручками, а Рада проводила до автомобиля.

Я выкатил «шестёрку» на центр площади и вышел из неё, что бы попрощаться с бабушкой. Она разговаривала с внучкой. Речь шла о сёстрах Лене и Кате Коваленко. Предполагалось, что девочки должны задержаться в хуторе на неопределённое время, пока не выздоровеет их мать. Рада уверяла, что они сиротами не останутся и будут равноправными членами их большой семьи. Потом она вспомнила, что сегодня утром к ним в хутор приезжал богатый господин, по виду большой начальник, на дорогой машине, и справлялся о детях, которые по возрасту должны посещать школу. Особенно его интересовали сёстры Коваленко, о приезде которых Рада ещё не знала. Господин сказал, что по прежнему месту жительства они учились, и прерывать этот процесс было нежелательно. Он обещал снова приехать к ним и записать девочек в одну из школ города Энска. Ещё он сказал, что является начальником Зары Васильевны. А как звать этого господина она не помнит, хоть он и представился.

– Виктор Васильевич, – сказала Зара. – Надо же, побеспокоился! Он очень помог мне. Мы вместе ездили в областной центр на совещание преподавателей. Там я зашла к Розе Коваленко и узнала о беде, свалившейся на её семью. Её при мне поместили в больницу. И девочки оставались без присмотра. Вот я их и привезла к вам. Роза сказала, что Виктор Дожу её двоюродный брат, и он обещал помочь.

– Всё правильно, внученька. Не оставим деток без присмотра. Накормим, оденем, обучим. И в школу пусть ходят. Нам и остальных нужно в школу записать. Особенно мальчишек. Без грамоты сейчас не прожить... А начальник твой, про тебя, Зара, хорошо говорил. Чай романа с ним не было?

Рада посмотрела в мою сторону.

– Ты Рома не ревнуй! Это я так, к слову пришлось. А господин этот, видный!.. И уважительный!.. Может и впрямь наших сорванцов к учёбе приучит?

В это время над нами сверкнуло, и сразу сто кибиток покатались по каменному тракту, грохоча железными колёсами.

– Ой! Страшно-то как! – шутливо воскликнула бабушка. – Пойду к малышам! А то трусишки описают! Ну, до свидания!

Рада обняла Зару и снова принялась промокать глаза.

– А с тобой попрощаться не буду, – сказала она, обернувшись ко мне. – Плохая примета. Ты ведь, Максимка, для меня только Рома. Хороший значит человек. А когда возьмёшь мою внучку в жёны, тогда уж и обнимемся...

Реплика старой цыганки показалась мне несерьёзной. Потому что она улыбалась. Но её взгляд рентгеновскими лучиками стрельнул в меня, словно оценивая товар, который можно купить почти даром, а можно и повременить.

Когда наша «бригантина под алыми парусами» вошла в ольховый пролесок, с небес на нас свалился штормовой ливень.

По кабине неожиданно застучали тысячи водяных молоточков. Вокруг заплясали молнии, освещая придавленные от напора воды придорожные кусты. Грохот от капель и непрерывающегося грома налёг на перепонки.

Щётки едва успевают смахивать тяжёлые струи. Разбитая цыганским «корветом-кабриолетом» дорога тут же наполняется водой. Пришлось переключиться на первую скорость, что бы ни соскользнуть в кювет. Покачиваясь на ухабах, «бригантина» уверенно ползёт к трассе. Земля не успела пропитаться влагой и колёса всё ещё цепляются за хорошо высушенный под солнцем грунт.

Зара держится правой рукой за ручку над дверью, левой за сидение. В её глазах сверкают чёрные молнии. Она мечет их через низвергающийся по лобовому стеклу водопад и что-то говорит, или шепчет. Ничего не слышно. Колдует, наверное.

Конец просёлочной дороги появляется перед нами в виде небольшого, но крутого подъёма на трассу. Намокшая песчано-глинистая площадка может оказаться препятствием, которое «шестёрка» вряд ли преодолет в спокойном темпе. Я быстро переключаюсь на вторую скорость и плавно нажимаю на педаль газа. Десять метров, отделявшие нас от нормальной дороги, машина использует весьма результативно, ревущий мотор разгоняет её и окунает в желтеющий впереди барьер. «Бригантина» стремительно взмывает над препятствием, как на набежавшую волну. Однако брызги от дорожной обочины в виде песка, превратившегося в полужидкое месиво, накрывают машину плотным слоем. Педаль вдавлена в пол. Впереди не видно ни зги. Поток воды и щётки едва успевают смахивать песчаную завесу.

Медленный полёт вверх на вершину волны и плавный переход в параллельное положение. Руль налево и аккуратное торможение на обочине справа.

Слава Богу, не занесло и не выкинуло по скользкой поверхности на противоположную сторону трассы!

И вообще, в гробу я видел путешествия в лихую погоду по цыганским тропам!..

Зара по-прежнему смотрит вперёд, на кадры природного веселья, возникающие на миг после ленивого взмаха стеклоочистителя.

Мы стоим. Ливень смывает остатки грязи с ветрового стекла. Гром гремит реже и тише. Молнии сверкают где-то за хутором.

Сглотнул слюну, освобождая заложенные давлением ушные перепонки. Теперь только грохот от капель по крыше, лёгкая дрожь от работающего мотора и затихающее сердцебиение.

Выключаю двигатель, останавливаю стеклоочистители и наблюдаю, как струи воды разбиваются о капот.

Потом на нас обрушивается идеальная тишина. Дождевая стена отходит к хутору и сзади в салон врывается вечернее солнце. Впереди вымытое синее небо с высокими ватными облаками, не участвовавшими в только что закончившемся бедламе; покрытая жёлтыми лужами трасса и висящие над ней половинки двух бледных радуг.

Зара по-прежнему держится за ручку над дверью и за чехол сидения. Губы плотно сжаты, глаза закрыты.

Теперь она медитирует, прогоняет зависшую над хутором грозу.

– Я жуткая трусиха! – говорит девушка и сверкает в мою сторону «космической глубиной». – А вы как себя чувствуете, уважаемый Рома?

Имя Роман мне нравится. Оно, наверное, кочует с цыганами по временам и волям от самой Индии и напоминает им бога Раму. Или приобретено у римлян и румын.

А впрочем, это лишь мои фантазии. Рома, по мнению бабушки Рады, просто – хороший человек...

– Настроение нормализуется, – наигранно произношу я и глажу рукой руль. – Было бы неприятно забуксовать в этой грязи. Спасибо «бригантине», вытянула! И вам спасибо, ненаглядная колдунья! Ваши чары так же помогали нам!

– Я старалась! – улыбается Зара. – Теперь домой?

– Домой. Попутно заедем на автомойку. Потому что езда по этой новой дороге основательно нас испачкает.

– Хорошо, Максим, – говорит девушка.

– Зара, мы можем перейти на «ты»? Будет проще вести беседу...

– Нет, Максим! – говорит она. – Это мой женский принцип. Он как барьер. Стоит его открыть, и в наших отношениях появятся лишние слова, с помощью которых придётся защищаться от самих себя. Возникнет непринуждённость. А это – естество, которое, потеряв контроль, помчит, словно машина без тормозов. Так что, Максим, повременим ломать барьеры природной сущности. Посмотрим, не завянут ли наши цветы раньше времени...

Да она, наверное, святая, неизвестная мне «Зоренька-Зара»!

Бабушка Рада тоже человек весьма прямолинейный. Придусь к их двору, буду Максимом, не придусь, останусь просто Ромой. И оба варианта не обидные.

– Максим, а у вас были женщины?

Как у нас говорят: хороший вопрос.

Если бы Зара спросила: есть ли у меня девушка, с которой я встречаюсь, мне было бы проще ответить. А слово «женщина» подразумевает иное: спал ли я с ними... в свободное от службы время. И в то же время даёт возможность совершить ответный ход.

То есть и я могу спросить... Но не спрошу!

Невежливо узнавать у малознакомых девушек об их сугубо личных секретах!

У меня были женщины, с которыми я имел половые отношения. Без любви, по обоюдному согласию, ради удовольствия...

Я должен исповедоваться. Я не могу лгать этому человеку.

– Да.

Наверное, ложь была бы ей милее.

Я посмотрел Заре в глаза. Что там? Обида? Ревность? Ненависть?

Нет! Она тихо кивнула в знак согласия с моим откровением.

– А вы знаете, что такое любовь, Максим?

– Да. Мне нравилась одна девочка в пятом классе. Тогда я впервые извещал томление и муки любви. Через год её перевели в другую школу и всё тихо утонуло. Потом я встретил её в институте. Томление проснулось. Мы начали встречаться. И даже хотели пожениться. Призыв в армию помешал этому. А после демобилизации выяснилось, что у нас никакой любви больше нет. Остались одни плотские желания, которые бывшая любовь, во время моего отсутствия в Энке, удовлетворяла с другими мужчинами.

– У меня тоже были увлечения, – сказала Зара. – Но они заканчивались, когда визави замыслили проигнорировать мои принципы.

Святая! Как есть – святая!

Эту девушку я не смею трогать и терзать своими похотливыми желаниями. Этот цветок не должен быть сорванным ради сиюминутного увлечения. И её принципы будут мной сохранены. Пусть даже для кого-нибудь другого, тоже святого и с романтическими убеждениями...

Моя же святость утрачена, а романтизм, как метод воспроизведения действительности в её идеализированной форме сотруднику полиции противопоказан. Нам дано видеть жизнь без прикрас. Ибо такое бытие мы должны познавать, и, по возможности, исправлять...

Интересно, что цыганка Зара нашла во мне?

Посмотрела в сумерках под навесом АЗС на взъерошенного владельца «Жигулей» и пришла к выводу, что сей типаж можно использовать в качестве «визави». А дальше что? Есть ли у неё виды на меня? Или она в очередной раз испытывает свои принципы?

А что?! Вот возьму и женюсь на ней!..

Эй, капитан Грей, на своей старенькой «бригантине», ослабь шкоты! Всего-то прошло меньше суток, как вы знакомы с Ассоль! Околдовала она вас, в повелителя произвела, сулит зарюки. Эвон, бак вашей «тачки» обещала заправить! Аж два раза! А вы прямо-таки в свой паспорт намереваетесь её прописать. И подарить ей свою фамилию.

Послушай, как красиво звучит: Зара Васильевна Рощина...

Цыганка – жена мента! Коллеги в моём отделе обалдеют!..

Но, притормозим...

Сначала нужно изучить друг друга, сделать предложение, познакомить с родителями и, плюнув на все пересуды, экивоки и прочие неприятности, отвести её под венец.

А что?! Отведу под венец, всем попам назло!

Мне недавно стукнуло двадцать шесть годиков.

А Заре сколько?.. Окончила школу, институт, работает... и не замужем?

Обложила себя принципами как душман гранатами и к себе никого...

Если только сама соизволит сдаться на милость господина и покорителя сердца. Родители постарались и наградили дочь удивительными качествами.

Я конечно не уродина. Даже наоборот, внешность примечательная, говорят, похож на актёра Коренева в молодости. На киношного Ихтиандра. Только я в плечах шире и с французскими усиками. И подругу мне хотелось бы иметь такую как Зара.

Ну, так завойю её! Не спеша! Она рядом, и не упускай её из виду!..

У Зары зазвонил мобильный телефон. Полина Ивановна беспокоилась о дочери.

– Отец вернулся из командировки, сейчас он в комендатуре, собирается домой, – сообщила Зара после окончания устного отчёта маме о путешествии в Озерки. – Ждут нас к ужину... А в Энске грозы не было!.. Поехали?

– Поехали...

Ни утреннего одуванчика, ни лилии, ни василька. Не проявились они после краткой исповеди.

И синего тумана тоже нет...

«Бригантина» причалила к генеральскому дому вместе с предвечерием приятным для глаз. Солнце спряталось за массивными кубами домов. И в томном полумраке призывно засверкали рекламы магазинов, кафе, ресторанов.

По обе стороны от чугунных ворот во двор генеральского дома так же нервно трепещут синим и красным неоновыми вывески: «Продукты» и «Цветы».

Ненавязчивый намёк забывчивым ловеласам.

Меня пригласили в гости. И являться в дом Зары без цветов было бы не прилично.

– Максим, машину поставьте во дворе на стоянку, – сказала девушка и показала, куда именно припарковать «шестёрку». – До улицы Маршала Крылова после ужина дойдёте пешком.

Ну да, конечно, не зря же пригласили в гости. Будем пить шампанское. Ночевать не оставят. А до дома пешим ходом – километр. Нормальное расписание для последних двух часов сумасшедших суток, подаренных мне колдуньей.

– А теперь, Зара, подождите меня минут десять, – сказал я, втиснув «шестёрку» между иномарками. – Я сейчас!..

В магазине «Цветы» мне сделали два букета чайных роз. В продуктовом красиво упаковали торт, шотландский виски и французское шипучее вино.

Букеты я вручил Заре. Один из них предназначался Полине Ивановне.

Нагруженный сумками с подарками от бабушки Рады и своими презентами, я проследовал за колдуньей в дом, где меня ждали её родители.

Нет, конечно же, не только меня. В первую очередь там дожидались приезда дочери. Но в свете моего первого появления в квартире генерала, наверное, желали видеть и меня, покусившегося в присутствии мамы, Полины Ивановны, на «честь и достоинство» дочери и на генеральские тапки.

Старший прапорщик Крошечка снова пылесосила цветистый палас. При нашем появлении она улыбнулась, стукнула ногой по выключателю жужжащего аппарата и лихо взяла под козырёк.

– Вольно, Оксана Петровна! – сказал я, пропуская Зару к лифту.

– Товарищ лейтенант, для вас имеется работа. – Крошечка подошла к столу и извлекла из ящика увесистую бандероль. – Только что доставили из типографии. Для генерала Штефана.

– Я помогу, – выручила меня Зара и приняла от Крошечки пакет.

В лифте всё было по-прежнему: и включенный фонарь над столиком, и свежая пресса. И красивая колдунья с духмяными цветами и обворожительным взором.

Она обернулась ко мне. И жгучий антрацит снова впился в мой мозг. Её пухлые губки прильнули к моим губам. Поскольку руки у нас были заняты поклажей, поцелуй длился не долго. Ровно столько, сколько хватило торопливому лифту воспарить на одиннадцатый этаж.

Утренний одуванчик, лилия и василёк потеснились, и рядом возникла чайная роза.

И синий туман вроде бы завьюжил окрест...

В первом фойе Зара взглядом оценила одежду на мне.

Брюки слегка помяты, туфли в пыли. А так – порядок, для таксиста сойдёт... А вот для жениха на смотринах – не очень.

– Не помешало бы надеть костюмчик и галстук? – спросил я.

– В следующий раз мы вас нарядим, Максим. – Девушка показала взглядом на дверь в квартиру. – Вы не извольте беспокоиться. По внешнему виду мы – пара. А здесь нас будут проверять на внутреннюю совместимость.

Этого мне только не хватало! Тестировать что ли будут?!

Зара набрала на входной двери код. Правая створка щёлкнула и отворилась. Во втором фойе с картинами было по-прежнему свободно. Но не пусто.

Возле окна с видом на заходящую звезду по имени Солнце стоял человек, ростом ниже моего, поджарый, одетый в военную форму, без головного убора. Фуражка лежала на низком подоконнике. Рядом стоял чёрный портфель и перевязанная бечевой коробка. Наверное, с подарками жене и дочери.

– Папка! – пискнула Зара и вместе с цветами и бандеролью в руках подбежала к генералу. – Папка! Как я по тебе соскучилась!..

– А я по тебе, моя красавица! – пробасил генерал и знакомым от бабушки Дары взмахом руки снял с волос дочери резинку. Пучок рассыпался и укутал обоих чёрным волнистым светом.

После объятий Зара обратила внимание на меня.

– Папа, это Максим, мой парень!

– Да-да, – как-то печально произнёс генерал. – Полина Ивановна мне говорила о вас. Я буду рад познакомиться с вами поближе... К сожалению, не сегодня... У нас... беда.

Зара вскинула взгляд на отца.

– Что случилось, па?!

– Мужайся дочь!.. Умерла Лидия Петровна. Только что позвонили из Киева.

– Бабушка Лида?! – воскликнула Зара.

– Да Зара. Мама в транс!.. Сейчас будем собираться. Рейс из областного аэропорта на Москву в пять утра. А оттуда в Киев.

Генерал посмотрел мне в глаза.

– Извините, Максим... Не сегодня...

Глава пятая

Капитан Зинченко только что заступил на суточное дежурство. Выглядит прилично, настроение не испорчено назойливыми посетителями и бесстыдными правонарушителями. «Обезьянник» пуст. Начальство, прибывшее на службу, закрылось в кабинетах и решает проблемы по своим направлениям.

Сидит дежурный офицер в своём «аквариуме», старательно усживает бутерброд с салом и запивает только что налитым из термоса горячим чаем. Круглое лицо капитана выглядит счастливым. А это значит, что накопленную за три выходных дня энергию он готов излить на первого, попавшего на глаза коллегу. Он у нас очень говорливый, если сыт и не устал.

И какой чёрт дёрнул меня прийти в родной отдел полиции сутра в пятницу, будучи в отпуске. Согласно отпускному удостоверению я должен появиться здесь на следующей неделе во вторник.

Три дня проведённые в Энске после возвращения из большого путешествия по Валдаю и малого в цыганский хутор Озерки показались невыносимо скучными.

Из-за томления, давно не испытываемого мной, я не находил себе места. Почему-то не тянуло в кино и театр. Не читалось, хотя на полках домашней библиотечки пылились новые детективы и фантастика. Не тянуло к друзьям и подругам. И напиток не хотелось, да и не любитель я спиртного.

Передо мной всё это время сверкали ночными звёздочками глаза цыганки Зары...

– Тю! Максимка! – сказал Зинченко, отправляя в рот остатки бутерброда.

– Здравия желаю товарищ капитан!

Я намеревался пройти мимо «аквариума» и заглянуть в кабинет участковых, но Зинченко отодвинул створку окошка и окликнул меня.

– Погодь-ка, лейтенант Рошин! Не спеши!

Завязывать беседу с капитаном не хотелось, и я ускорил шаг.

– Погодь-погодь! – приподнявшись со стула, командирским голом позвал дежурный. – Ты куда это так резво?!

Я подошёл к окошку и, облокотившись на парапет, заглянул внутрь дежурки.

– Слушаю вас, товарищ капитан.

Зинченко извлёк из свёртка ещё один бутерброд и протянул мне.

– Попробуй! Мамка из батькивщины прислала.

– Спасибо, товарищ капитан. Только что плотно позавтракал.

– Тю! А я так с чайком за милую душу. – И Зинченко вцепился крепкими зубами в кусок бекона на краюхе чёрного хлеба. – Знаешь, что для хохла дороже большого шмата сала? – спросил он и посмотрел на меня.

– Огромный шмат сала, – сказал я, так как знал ответ на вопрос.

Зинченко пожевал, прихлебнул чаю и согласно кивнул.

– Угадал!.. У меня к тебе дело, Максимка. – Подумал немного: – Два дела.

– Я в отпуске, товарищ капитан!

– Так гуляй себе, хлопчик! А те дела тебя касаются! Первое: вот тебе бумага на получение нового обмундирования. В ателье с тебя мерки снимали?

– Да, ещё до отпуска.

– Вот пошили тебе новый мундир и фуражечку. Будешь форменным полицейским. А то который год в ментовском щеголяете. Всё хранится у старшины. Он будет в понедельник. Получишь, значит... Второе: сей момент загляни к старшему из «закадычных».

«Закадычными» друзьями за глаза у нас называли начальника криминального отдела Токарева и начальника следствия Светлова.

- А кто из них старший?
- Тю! Не знаешь? Конечно же, Петрович! На целый год!
- Токарев?
- Ну! Опять угадал! Так прямо сей момент и иди!

Подозрительно быстро отстал сегодня от меня капитан Зинченко.

А запах от украинского бутерброда исходит очень даже привлекательный.

Что бы ни отвлекать дежурного от поглощения сала из батькивщины, прячу вещевой аттестат в карман, отхожу от аквариума и иду к Токареву.

Ему-то, зачем я понадобился? Наверно вопрос какой-нибудь по моему административному участку.

Дверь в кабинет начальника криминального отдела оббита дерматином с войлочной подкладкой. Можно не стучать, всё равно внутри не слышно. Открываю и вхожу. Петли смазаны, ни скрипа, ни писка.

Подполковник Токарев сидит за столом и читает документы.

Это тоже интересный типаж. Лет ему около пятидесяти. Высокого роста. Сидеть за столом в нормальной позе и всматриваться в текст с высоты ему неудобно. Худая ссутуленная фигура Токарева напоминает горного орла, осматривающего с утёса охотничьи уголья. Гражданский пиджак, накинутый на плечи, своими лапами накрывает столешницу. Вся обзриваемая конструкция поддерживается на весу худыми руками, уложенными перед бумагами на манер первоклассника.

Самым примечательным у Токарева являются его глаза, маленькие с чёрными зрачками. Они у него очень значимые, так как всегда излучают в сторону визави вопрос: а не ты ли, гражданин хороший, совершил это?..

- Здравия желаю товарищ подполковник!

Токарев медленно выпрямляется и не спеша переворачивает читаемый документ лицевой стороной вниз. Наверное, секретный.

– Рощин! Здравствуй! Очень кстати! Садись, – Пётр Петрович показывает длинным пальцем на стул за приставным столом, – а я немного отдохну от работы с документами... – Кресло с хозяином откатывается к стене. – Интересно, какие умники из наших вышестоящих контор составляют для оперов эти инструкции?! Их графоманию приходится не изучать, а напряжённо вникать в смысл каждой фразы...

Токарев с хрустом потягивается и прижимается спиной к потёртым обоям.

- Скоро горб вырастет от такой жизни!.. Полминуты молчания и побеседуем...

За полминуты тишины Пётр Петрович досконально изучил парящие за окном облака, фокус на подоконнике, обстановку кабинета и меня, усевшегося напротив.

И я огляделся, ибо бывал «на ковре» у Токарева всего пару раз.

Кабинет у главного сыщика небольшой, но уютный. Кроме двух столов, рабочего и приставного, здесь находятся два шкафа: для документов и гардероб. В углу на тумбочке приютился сейф с секретным замком. Вдоль стен расставлены стулья. Два окна выходят во двор. На стенах развешены плакаты в красивых рамах. По ним можно изучать составные части пистолета «Макарова» и автомата «Калашникова». За спиной Токарева висит цветной портрет Президента.

Хрустнув суставами длинных пальцев, Пётр Петрович перевернул секретный документ обратно, снова оценил его содержание пронизательным взглядом и бережно поместил в дерматиновую папку ярко-вишнёвого цвета. На ней золотыми вензелями начертано: «Токарев П. П. Для служебного пользования».

– Бред сивой кобылы! – пробурчал он. – Вся суть данного произведения можно изложить в двух простых предложениях. Ну да Бог им судья... А ты почему в штатском, Максим Викторович?

– Я в отпуске, Пётр Петрович.

– Решил навестить товарищей?

– Вроде того...

– Зинченко ко мне направил?

– Он.

– Насчёт нового обмундирования сообщил?

– Аттестат в кармане. – Я похлопал по карману куртки.

– И мне впервые за годы службы сшили нормальный мундир. Сидит очень приватно. Я редко одеваю форму, только на время дежурства или на совещание в управление... Ну, раз пришёл, господин участковый, полагай, что приступил к работе.

Токарев улыбнулся и пододвинул к себе потрёпанную картонную папку синего цвета. Развязал тесёмки и извлёк из неё полиэтиленовый файл наполненный бумагами.

– Да ты не кручинься, Максим! Считай, что я беру у тебя займы один день. Выполнишь моё поручение, отчитаешься справкой и гуляй дальше. К работе же приступишь на день позже. Твоему шефу майору Комарову я сообщу о нашем решении. Согласен?

– Согласен.

Если честно, то я обрадовался предложению Токарева. Все-таки, какое-никакое развлечение. Хотя работу в полиции развлечением вряд ли назовёшь. Это только в кино да в книжных детективах она кажется забавной игрой для оперов – с погонями, перестрелками и выпивками между ними. А на самом деле...

– Ну вот, посмотри, – сказал Пётр Петрович и вытряхнул из файла содержимое.

На стол выпали два небольших бумажных прямоугольника из поделочного набора для детей посещающих садик или начальную школу – розовый и голубой.

Я беру первую бумажку и рассматриваю. Она с обеих сторон розовая. И на ней, тоже с обеих сторон, посередине, написано красным фломастером: «5000 рублей». Размером прямоугольник идентичен пятитысячной купюре. Надпись сделана каллиграфически. Бумажка немного помята, как мнут имеющиеся в обороте деньги. Только фактура от денежной отличается, здесь видны все складки.

Голубой прямоугольник тоже имеет надпись: «1000 рублей». Та же каллиграфия. Та же помятость. Видны жировые мазки от пальцев с папиллярными узорами. Понюхал. Показалось, что от бумажек отдаёт магазином: рыбой, конфетами.

– На вкус пробовать не советую, – сказал Пётр Петрович и показал в улыбке длинные, траченные никотином, крепким чаем и кофе зубы. – Деньги вещь очень грязная.

– Фальшивки? – спросил я.

– Почему фальшивки? – засмеялся Токарев. – Бумага настоящая, произведена на целлюлозно-бумажном комбинате, приобретена добропорядочной мамой для своего вундеркинда в отделе письменных принадлежностей. Что бы тот играл с сестрёнкой в магазин. И нарисовала детям несколько таких «купюр».

– Я хотел сказать, что это – подделка под деньги.

– Максим, ты знаком с таким понятием как фальшивомонетничество?

– В общих чертах.

Пётр Петрович достал из кармана пиджака портмоне и вытащил из него тысячерублёвую купюру.

– Денежная фальшивка выглядит так же, как эта тысяча. Что бы распознать её, применяют специальную технику, приборы, химикаты. Так как современные фальшивомонетки наловчились «рисовать» деньги лучше настоящих. А это – просто бумажки по цвету слегка

напоминающие купюры указанного на них достоинства... А теперь прочти вот эти два заявления, поступившие к нам от директора магазина «Каравай» и продавца киоска «Мороженое и напитки». Это территория нашего Слободского района.

И я прочёл.

Директор магазина «Каравай» Бауман Маргарита Львовна в заявлении сообщала о том, что в четверг 25 июля (то есть вчера) в 14.30 при проведении промежуточной инкассации денежных средств кассового аппарата номер два – отдел конфет, кассир Сидорова Н. В. – была обнаружена недостача денег в сумме около пяти тысяч рублей. При проверке кассового сейфа и ленты фиксирующего счётчика денег, принятых от покупателей, недостача подтвердилась.

Одновременно в кассовом сейфе, в отделе крупных купюр, кассир Сидорова Н. В. и старший продавец Мохова А. А., осуществлявшая промежуточную инкассацию, обнаружили листок бумаги розового цвета с надписью на нём красным фломастером: «5000 рублей». (Прилагается к заявлению).

Бауман М. Л. просит принять меры к розыску и задержанию мошенника и возвращению похищенных денег в указанной сумме.

Заявление написано по форме на пишущей машинке.

Второй документ составлен от руки на тетрадном листе в клеточку.

Продавец киоска «Мороженое и напитки» Абрамова Ю. С. сообщала, что в четверг вечером 25 июля (опять вчера) после окончания работы киоска, при подсчёте выручки, она обнаружила в пачке денег голубую бумажку с надписью «1000 рублей». Так как кассовый аппарат киоска не исправен и находится на ремонте, Абрамова Ю. С. вызвала по телефону заведующую отделом общепита Лидину А. Л., и они самостоятельно произвели ревизию проданного товара и выреченных денег. При этом установлено: недостача составляет примерно 1000 рублей.

– Прочитал? – Пётр Петрович взял у меня заявления. – Что скажешь, поэтому поводу?

– Мошенничество, – сказал я, соображая, что ещё сказать опытному подполковнику. –

В обоих случаях действовал один и тот же преступник.

– Маргарита Львовна Бауман правильно назвала состав преступления. Это мошенничество. И никак не фальшивомонетничество. Один ли был преступник – вопрос! Их могло быть двое и больше. Один отвлекает кассира, второй показывает настоящую купюру, а потом, улучшив момент, всучивают ему бумажку, похожую по цвету с демонстрируемой купюрой. Но это мои предположения. В подобных случаях кассиры должны быть: либо пьяными в дугу, либо накурившимися спайса... Не думаю, что они так безответственно относятся к приёму денег. Тем более, к приёму крупных купюр. Они, согласно внутренним инструкциям, обязаны проверять их на приборе в ультрафиолете... Здесь что-то не так, как я предположил. Совсем не так...

Токарев, не наклоняясь, протянул руку, забрал у меня цветные бумажки и положил перед собой.

– Почерковедческую экспертизу можно не проводить. Рука одна. – Пётр Петрович опёрся локтями на стол и снова превратился в орла. – Всё бы ничего. Если бы у работников торговли образовалась обычная недостача, например в результате ошибки кассира, то это было бы их внутреннее дело. Ошибся, вкладывай свои кровные и – шито-крыто. К полиции никаких претензий. А тут злодей оставил за похищенные мошенническим путём денежки расписки. Вот они! А это, уголовно наказуемое деяние. На данном этапе расследования – всяки! Раскрывать придётся! Ибо отбрехаться не получится. И знаешь почему?.. Потому что в соседнем районе, Зареченском, на столе у моего коллеги лежат ещё три таких расписки. Причём, все красенькие. Городское управление распорядилось проинструктировать всех материально ответственных лиц торговых точек и прочих объектов, где принимают от населения за товар и оказанные услуги, наличные деньги. Под роспись!..

Токарев откинулся на спинку кресла, поскрёб длинными пальцами щетину на подбородке и попробовал пригладить ладонью измочаленную причёску. Безрезультатно. Природная лохматость восстановилась.

– Ты, Максим Викторович, сколько работаешь в участковых?

– В октябре будет год.

– А лейтенанта присвоили когда?

– В мае.

– М-да! – буркнул Токарев. – Участок у тебя – микрорайон Немецкая Слобода?

– Теперь только Немецкая Слобода. Городской сектор передали Юдину.

– Это потому что теперь в Слободе не сорок дворов, населённых военными отставниками, а целых две с гаком сотни. И живут там не только военные, но и наши городские чиновники. Полюбилось им иметь кроме квартиры в кирпичных домах, ещё и дачку со всеми удобствами, современной немецкой планировки, в десяти минутах ходу от городского терема. Но не о них сейчас речь. Торговых точек и прочих заведений на твоём участке сколько?

– Если откроют новые продуктовые супермаркеты и комбинаты бытовых услуг, то – пятнадцать.

– Пока ты был в отпуске, – проворчал в кулак Токарев, – в Слободе появились с десяток киосков: «Пиво, воды», «Пресса» и прочее. А ещё платный клуб для именитых пенсионеров. То есть с сауной, баром. Боюсь, что и девочки там рублёвые, а то и валютные, скоро появятся. Понаблюдай. На рожон не лезь... А вот сегодня обойди все заведения и проинструктируй директоров, заведующих, владельцев. Раздай им образцы подделок. Я их размножил на цветном «Ксероксе». Возьми штук тридцать. Ну и данные проинструктированных граждан запиши. И пусть распишутся в получении... Это что бы потом безответственные господа не пожимали плечами и не ссылались на свою неосведомлённость, а также не указывали нам на нашу нерасторопность!..

Пётр Петрович, снова хрустнул сплетёнными пальцами, стремительно встал из-за стола и приостановил мою попытку подняться.

– Не спеши, Максим, посиди, настрой себя на дело. Бумага, ручка имеются?

– Я найду на опорный пункт. Там всё есть.

– Это в клубе «Галактика»?

– Так точно, в клубе. Мне там выделили небольшую комнатку. Стол, телефон. Даже компьютер есть. Правда, старый, но с принтером. Я в него всех жителей Немецкой Слободы занёс. И организации почти все зафиксированы.

– До Слободы пешком?

– У меня «бригантина» на ходу.

– Всё на своей «шестёрке» алого цвета ездешь? Как с бензином?

– Почти полный бак.

Токарев прошёлся по кабинету.

– Что мне нравится в настоящем времени, это строительство. Энкс растёт прямо на глазах! И в тоже время сложности преумножаются! Раньше было проще. Всего было меньше. Магазинов, ателье и прочего. А теперь во всех домах первые этажи чем-то заняты. Предприниматели расплодились! Нам пришлось задействовать почти весь личный состав отдела на профилактику. Второй день суетимся. Опера сейчас опрашивают торговых работников. Ищут возможных свидетелей мошенничества... Сам понимаешь – оперативная необходимость. Ты в Слободе с контингентом проникновенно беседуй, с прицелом на возможную удачу. Мало ли что! Кто-то что-то должен знать. Видел, слышал, приснилось... Наша задача выявит таких граждан. Тут каждая крупинка информации важна! В общем, соображай, применяй свою педагогическую смекалку. Ничего не упускай. Если эта напасть будет длиться, а она будет... обяза-

тельно будет длиться, денежки-то засасывают, как трясина, то нам придётся дневать и ночевать на работе. У тебя как с видеонаблюдением на объектах?

– Видеонаблюдение? Кажется только в ресторане «Рейн». Но, не уверен.

– А ведь всем предписание рассылали. Денег жалко, видите ли, им! Проверь и предупреди! Вот основание!

Токарев остановился передо мной и вручил файл с цветными ксерокопиями имитации «купюр».

– Давай, Максим! Вечером жду с отчётом...

Глава шестая

Находясь в очередном отпуске, я расслабился и не следил за текущим временем. Отдыхал и душой и телом. Встреча же с цыганкой превратила конец моего отпуска в сплошной праздник, где все дни воспринимались как школьные каникулы, или преддверие Нового Года...

Ожидание новой встречи с девушкой томило душу и испытывало моё терпение.

И только прочитав заявления потерпевших, я подсознательно вернулся к датам, которые намекали на безостановочную текучесть основной формы существования материи – времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.